

ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ В ФИЛОСОФИИ М.М. БАХТИНА*Н.В. Барабошина*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Самара

Для цитирования: Барабошина Н.В. Феномен границы в философии М.М. Бахтина // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 3–4. – С. 41–47. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.41-47>

Поступила: 27.03.2020

Одобрена: 01.05.2020

Принята: 28.05.2020

■ В статье даётся анализ феномена «граница» в философии М.М. Бахтина. Аргументирован тезис, что граница в концепции М.М. Бахтина может быть рассмотрена как диалог, в котором каждая реплика участников представляет собой полноценное вопрошание о бытии, требующее индивидуальной ответственности и соотнесённости смыслов. Граница в теории Бахтина рассматривается с позиции «участного мышления», как момент перехода в ответственном деянии, в котором человек утверждает бытие. Показана перспективность рассмотрения границы как со-бытия (события) — момента смыслополагания в ситуации «контекстуально-событийной мотивированности» и самоопределения человека в мире культуры. В статье обозначен потенциал «границы» как одного из значимых концептов в «антропологической онтологии» Бахтина и современной философии.

■ **Ключевые слова:** диалог; граница; полилог; участие мышление; высказывание; интертекстуальность; со-бытие.

BOUNDARY PHENOMENON BAKHTIN'S PHILOSOPHY*N.V. Baraboshina*

Samara State Medical University, Samara, Russia

For citation: Baraboshina N.V. Boundary phenomenon Bakhtin's philosophy. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2020;(3-4):41-47. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.41-47>

Received: 27.03.2020

Revised: 01.05.2020

Accepted: 28.05.2020

■ The article analyzes the phenomenon of “boundary” in the philosophy of M.M. Bakhtin. The thesis that the boundary in the concept of M.M. Bakhtin can be considered as a dialogue in which each remark of the participants presents a full-fledged questioning about being, requiring individual responsibility and correlation of meanings. The boundary in Bakhtin's theory is considered from the perspective of “participatory thinking,” as the moment of transition in a responsible act in which a person affirms being-co-being. The perspective of considering the boundary as an event (event) — the point of meaning in a situation of «context-event motivation» and self-determination of a person in the world of culture is shown. The article outlines the potential of the “boundary” as one of the significant concepts in Bakhtin's “anthropological ontology” and modern philosophy.

■ **Keywords:** dialogue; boundary; polylogue; participatory thinking; utterance; intertextuality; co-being.

Антропологический поворот начала XX в. обозначил поворот философской мысли к человеку. Но, достаточно быстро, стала очевидной неувластность для рационального мышления индивидуальной жизни человека в ситуации единственного и неповторимого со-бытия. Традиционный, неоднозначно центрированный, культурно детерминированный, существенно определённый субъект в поисках

ответа на вопрос: «кто я есть?» вынужденно обращается за пределы себя, к Другому. В этом антропологическом поиске, обозначенном метафорично как «смерть человека» [14, с. 362], «смерть автора» [2], особый интерес представляет анализ конструктов, связанных с практиками трансформации и конституирования субъективности вне логики тождества, вне жёстких предметных

областей, которые Ж. Делез определяет с позиции *doxa* (репрессивности общепринятого), а М. Хайдеггер объясняет как механизм «освобождения» человеческой экзистенции из её фактического присутствия. Назревшая потребность в создании новой антропологической модели позволяет обратиться к концептам «различия», «диалога», «границы», поскольку, согласно замечанию С.С. Хоружего, наиболее точный способ определения чего-либо «состоит в указании его Иного, того, что отлично от него и тем самым, конституирует его предел, границу» [15, с. 15].

М.М. Бахтин, остро чувствуя кризис антропологической ситуации своего времени, в своих работах выразил это непреодолимое влечение Человека к «горизонту» своего существования, к своему пределу. Человек у Бахтина выкристаллизовывается только как совокупность неких предельных проявлений в усилии поступка на границе культурных сред. Человек у Бахтина полифоничен и многомерен, обращен к Другому как со-участнику со-бытия.

Идея Бахтина заключалась в том, чтобы ввести в диалог между Субъектом и Другим понятие границы, обозначаемой словом «между». Дело в том, что Бахтин не приемлет идею «Я» как оппозиции, которая обретает смысл только в противопоставлении себя (зачастую в конфликте) окружающей действительности. Для Бахтина не так важна идея свободы человека как автономного внешнему миру сознания, обречённого всю жизнь переживать несовпадение должного и сущего. Бахтина также нельзя в полной мере считать экзистенциалистом, поскольку он не акцентирует внимание на том, что представляет собой человек как «голая биологическая субъективность, акти-потребность», переживающая заброшенность, кризисность, безысходность, одиночество в мире [4, с. 8]. Но для Бахтина важна сама идея поступательного участия в мире жизни и творчества, которая проявляется «между» как «бытие со-бытия».

Не получая чёткого понятийного оформления, идея границы/межи присутствует во всех основных трудах М.М. Бахтина. В работе «Проблемы поэтики Достоевского» она представлена как идея социального контекста, поле социального и коммуникационного смыслообразования, в «Философии поступка» как «участное мышление» и, спустя несколько лет, в работе «Формальный метод в литературоведении» как концепт «между»: «Мы охотнее всего представляем себе идеологическое творчество как какое-то внутреннее дело понимания, постижения, проникновения и не

замечаем, что на самом деле оно всё сплошь развернуто во-вне — для глаза, для уха, для рук, что оно не внутри нас, а *между нами*» [8, с. 190]. Таким образом, феномен границы концептуально присутствует в работах Бахтина и, на наш взгляд, является «ключом» к пониманию идей «антропологической онтологии».

Бахтин отказывается от традиционного для философии тождественного самому себе субъекта и предлагает интерсубъективную модель децентрированного субъекта, который в каждый момент Диалога стремится к установлению собственной идентичности, посредством различения, отделения себя от окружающего (природного и социального) мира. Механизмом такого смысловозначения, самоопределения, самоотнесения служит граница, которая, не имея собственной внутренней территории различает и соединяет различаемое. Бахтин, анализируя диалоги в романах Достоевского, обращает внимание на то, как умело автор «придвигает» к границам судьбы, переживания, идеи людей, где «всё как бы готово перейти в свою противоположность» [7, с. 89]. Как отмечает В.Г. Каганский, анализируя подход М.М. Бахтина, жизнь человека всюду «чревата границами» и перманентной их генерализацией [12]. Граница — есть означивание. А.А. Сауткин отмечает, что Бахтин хотел подчеркнуть отсутствие у человека собственной суверенной территории, отсутствие возможности видеть себя «своими глазами», но только глазами Другого. Другими словами, у человека нет ничего своего (даже собственное сознание, видение не может быть замкнутым на себе самом), «но все значения вырабатываются на вышеупомянутой границе как созданные в диалогическом напряжении различных сознаний» [13, с. 18].

В теории Бахтина интерсубъективность фактически предстаёт как интертекстуальность. Бахтина интересуют не сами интенциональные акты, но состояние непосредственного диалога как открытой коммуникации, как высказывания, как «мысли изречённой». Первые представления о себе самом, всё что человек мыслит о себе он слышит о себе от других, начиная со своего имени, произнесенного матерью — интонации и эмоционально-ценностные тональности пробуждают сознание человека из небытия [3, с. 34]. Диалогичность — это само свойство языка, отдельной фразы и слова (двухголосое слово у Бахтина). Любая единица языка, наполненная мыслями, экспрессивными средствами, смысловыми оборотами другого предстает

как «потенциальный текст». Бахтин пишет: «Логические и предметно-смысловые отношения, чтобы стать диалогическими, как мы уже сказали, должны воплотиться, то есть должны войти в другую сферу бытия: стать словом, то есть высказыванием, и получить автора, то есть творца данного высказывания, чью позицию оно выражает» [7, с. 206].

Так, для Бахтина, особенно важна фигура автора, поскольку только на примере созданного им произведения возможно проследить сам процесс разграничения, освобождение мыслью себя для поступка. По мнению Бахтина, гений Достоевского состоял в том, что он был мастером сохранения дистанции (артикуляции границы), при которой Идея не принадлежит автору (не воспроизводится от имени героя, не обозначается как общая мораль произведения и способ видения автора), но постоянно «нащупывает» себе оппонента, требует ответа от участников действия и читателя на многочисленные вопросы в ходе полилога [7, с. 90–99]. Другими словами, Бахтин говорит о «высказывании» как механизме ограничения смысловой позиции говорящего. Поэтому, по мнению А.Б. Бочарова, не язык или «речь» рассматриваются Бахтиным как первичные акты мышления, а текст, в том значении, в котором его будет использовать позднее структуралистский анализ [9].

Бахтин подробно описывает процесс разграничения как процедуру различения, смыслообразования. Границы высказывания в теории Бахтина определяются сменой говорящего и слушающего, это точка соприкосновения смыслов — того, что вложено в текст изначально и того, что стало результатом «вменения смысла». В ходе диалога невозможно говорить о чем-либо предзаданном (тождественном), сюжетном, формальном, данным как основание для сравнения, предшествующем мысли. Принудителен только сам диалог (необходимость восприятия Другого): «Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса — минимум жизни, минимум бытия» [7, с. 280].

Бахтин полагает, что в произведении для определения границы высказывания также важен показатель завершенности. Он достигается за счёт внутренней смены речевых субъектов, когда читатель чувствует, что автор сказал всё, что к настоящему моменту он запланировал сказать, но, тем не менее, имеется и некая незавершенность, побуждающая к ответу, обладающее реактивной силой слово, которое требуется произнести автору для мобилизации читателя.

Завершенность в произведении определяется тремя критериями. На наш взгляд, их можно считать самым механизмом разграничения.

Первое условие — предметно-смысловая исчерпанность — некий смысловой минимум, который позволяет дать ответную реакцию в пределах определённого авторского замысла. Бахтин неоднократно подчеркивает, что объективно нельзя говорить о неисчерпаемости предмета, но, будучи темой высказывания (текстом научной статьи, художественным текстом), он обретает относительную завершенность (единство) в заданных автором условиях и авторских целях, при определённом ракурсе рассмотрения вопроса, при особых контекстуальных данных.

Еще одним аспектом разграничения является, по Бахтину, речевой замысел или речевая воля автора как субъективный акт высказывания сопряжённый с конкретной ситуацией общения, её предметно-смысловой стороной. Речевая воля звучит как убежденность, которая позволяет читателю понять ситуацию сверх объёма сказанного текста, ощутить себя частью саморазворачивающегося хода диалога.

Третий аспект границы — это жанровая форма высказывания. Выбранный жанр окончательно оформляет речевую волю говорящего в индивидуальной ситуации общения. Причем речь может идти не только о специфических художественных жанрах, но и обыденной топике речи, которая вырабатывается в ходе повседневного общения и в любом случае приобретает характер жанровой формы даже без теоретического обоснования. Другими словами, любой человек обладает способностью восприятия жанрового целого, улавливая нюансы композиционного построения речевого потока. Разнообразие этих жанров столь велико, что существует множество типологий лингвистических жанров (профессиональных, исторических, искусствоведческих), что по мнению самого Бахтина заслуживает от исследователя их общелингвистическую природу, не позволяет рассматривать слово как коррелят сознания.

М.М. Бахтин предлагает делить жанры на простые и сложные. Простые, первичные жанры — это реплики бытийного диалога, предполагающие «непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям» [6, с. 161]. Сложные жанры предполагают сложные и глубокие по природе высказывания, ставящие своей целью охватить важнейшие грани смысла (таковы, например,

полилогические романы Ф.М. Достоевского). Е.Я. Бурлина, следуя логике Бахтина, предлагает мыслить жанр многоаспектно — как тип художественного произведения, форму пространства-времени, а в качестве метажанра, как формообразование определенной эпохи. По мнению Бурлиной, жанрообразование может рассматриваться как «цитология культуры», как мироанализ, позволяющий раскрыть принцип смыслообразования от единичного высказывания до оформленной смысловой структуры [10, с. 9–12].

Эвристический потенциал идеи границ текста в теории Бахтина позволяет проследить, как речевые структуры «сорбируют» смысл, отделяя его от единиц языка и преобразуя в готовое решение, в убежденность поступать определённым образом, в необходимость выразить себя, сделать действительным и действующим. Бахтин не понимает высказывание как некий предмет речи (то, о чем я хочу сказать), но понимает его деятельностно, как потенциал раскрытия мысли в определённой ситуации и относительно Другого [11, с. 88]. Высказывание имеет смысл только относительно «целостного активно-ответного понимания», которое, с свою очередь актуализуется в последующем ответе как «участное мышление», как единство мысли, высказывания и следующего за ним действия [6, с. 169]. В этом суть философии поступка Бахтина.

В самом начале своей работы «К философии поступка» Бахтин определяет существенные черты поступка: ответственный поступок есть осуществление решения уже безысходно, непоправимо и невозвратно; поступок — последний итог, всесторонний окончательный вывод; поступок стягивает, соотносит и разрешает в едином и единственном и уже последнем контексте и смысл и факт, и общее и индивидуальное, и реальное и идеальное, ибо всё входит в его ответственную мотивацию; в поступке выход из только возможности в единственность раз и навсегда [4, с. 7]. В.А. Конев, развивая идею Бахтина обращает внимание на то, что действие обретает характер поступка при определённости, устремлённости, направленности действий в соответствии осознанным планом исходя из контекста. Поступком может считаться не любая активность человека, но ответственное деяние, в котором человек утверждает бытие-со-бытие. Поэтому, «ответственность для Бахтина является не ответственностью перед кем-то, а онтологической ответственностью за что-то, за то событие, которое возникает» [13, с. 73].

Любой поступок, по Бахтину, несёт в себе оценку, суть этой оценки в разграничении, выявлении сути происходящего и в осознанности действия как личного поступка. Поэтому Бахтин говорит о поступке-признании, удостоверяемым подписью и решением брать обязательство. В этом плане всё содержание поступка есть момент перехода границы, в котором соединяются единственное и неповторимое, эмоционально-волевое и конкретно-индивидуальное со-бытие-бытие. Причем, человек несёт ответственность не за истинность, правильность решения, а за его единственное возможное в конкретной ситуации утверждение-неутверждение: «Ведь можно пройти мимо смысла и можно безответственно провести смысл мимо бытия», — пишет Бахтин [4, с. 42].

Может ли человек избавиться от этой ответственности? Переложить её на Другого? Бахтин считает, что нет. Нудительная сила диалога, длящегося всю жизнь принуждают человека выбирать, различать и брать ответственность за свой выбор. Бахтин пишет: «Я в мире безысходной действительности, а не случайной возможности» [4, с. 42]. Человек в теории Бахтина не может быть безразличным, не имеет права на уклонение от ответственности, поскольку сам процесс диалога как разграничения, побуждает к «поступку», каким должна явиться вся его жизнь. В этом плане, поступок в теории Бахтина может рассматриваться как категория онтологическая и одновременно эстетическая, поскольку «искусство и жизнь не одно», но должны обрести единство в ответственности человека как единство слов, переживаний, действий, прошедших через нравственное сознание [5, с. 8].

Ещё одной пограничной темой в творчестве Бахтина является тема самоопределения человека в культуре, возможности культуры как самостоятельной сферы человеческого бытия. Общие представления Бахтина об устройстве сферы культуры известны: «Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент её... <...> Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьёзность и значительность; отвлечённый от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [4, с. 262]. И в этом плане для Бахтина очень важна идея культуры как выхода мышления из пределов жёстких границ к диалогу на границе. Бахтин не мыслит границы культуры как окончательные (они устанавливаются,

стираются, заменяются новыми), их предназначение — фиксировать логику развития смыслов в горизонте культуры. Иными словами, культура для Бахтина возможна только как открытая коммуникационная модель, как разговор на границе о границах человеческого бытия.

Любой человек с самого рождения вовлечен «в работу границ, производящих сходства и различия», отождествляя себя с чем-то уже данным или противостоя ему. В этом плане — задача человека состоит в том, чтобы приблизиться к антропологической границе, требующей жизни на пределе диалогических возможностей, в ситуации «контекстуально-событийной мотивированности» и переживаемости со-бытия. Для Бахтина показателен тот факт, что наука говорит о культуре как об исторически действительном бытии, как об особом отвлечённом предмете, вне контекста содержания-акта конкретного действия в момент смыслопорождения. По мнению Бахтина, происходит подмена реальности на объективированную фикцию, тогда как должно быть по-другому: «Истинно реален, причастен единственному бытию-событию только этот акт в его целом, только он жив, полностью и безусловно есть, становится, свершается, он действительный живой участник со-бытия-бытия: он приобщён единственному единству свершающегося бытия, но эта приобщённость не проникает в его содержательно-смысловую сторону, которая претендует самоопределиться сполна и окончательно в единстве той или другой смысловой области: науки, искусства, истории, а эти объективные области, помимо приобщающего их акта, в своем смысле не реальны» [4, с. 7]. Такая ситуация приводит к взаимному отторжению мира культуры и мира жизни. Ключевая идея философии Бахтина состоит в том, чтобы восстановить это единство в процессе «участного мышления» в пограничной ситуации, в точке, где конкретная ситуация жизни понимается как «конечность» моего поступающего («нравственного») бытия в соотнесении с предметным содержанием моей мысли. Это и есть момент совпадения мира единого и единственного события бытия [4, с. 45].

Тогда возникает вопрос: «А возможна ли культура как целостность в отсутствие границ и при наличии множества неповторимых ценных миров?» Бахтин отвечает на этот вопрос положительно, говоря о том, что множество поступающих субъектов тем не менее сохраняют целостность действительного мира: «Нудительно-конкретно-реальная значимость действия в данном

единственном контексте (каким бы он ни был), момент действительности в нём и есть его ориентация в действительном единственном бытии в его целом» [4, с. 8]. В этом плане, культура представляет собой не готовую отвлечённую модель, а конкретный план как произведение мира единого и единственного поступка. Культура не может существовать как искусственный мир культурных продуктов, где мыслимое отделено от событийного контекста, где диалог невозможен, но может существовать как содержание теоретического знания о мире, существующего в своих границах осмысленного, но любой человек отчетливо осознает это несовпадение с тем единственным миром бытия-со-бытия человеческой жизни. В данном контексте граница «между» всегда онтологически событийна, даже в отсутствие активного взаимодействия, она «междучеловечна и межпредметна». М.М. Бахтин пишет: «Только изнутри моей участности может быть понята функция каждого участника. На месте другого, как и на своём, я нахожусь в том же бессмыслии» [4, с. 21]. Попадание в «правду» дела, как обретение смысла, по мнению Бахтина, происходит, когда между человеком и предметной средой или другими людьми хронотопически (здесь и сейчас). Бахтин фактически предугадывает культурную ситуацию второй половины XX в., когда культура становится пространством самовыражения, демонстрации, декларативного слова. Это пространство многоголосья, где каждый хочет высказаться и жаждет быть услышанным, Бахтин прогнозирует идею непрерывающегося полилога, в который погружено сознание обывателя и где любой текст подлежит прочтению.

Таким образом, анализируя теорию Бахтина, возможно проследить, как в первой половине XX в. философия избавляется от так называемой презумпции объективного субъекта и обращается к анализу практик конструирования субъективности в ходе диалога. Интерсубъективное взаимодействие предстаёт как линия напряжения «Я – Другой», определяется «прочерчиванием границ» в разных направлениях, начиная от принятия-непринятия, через согласие-несогласие, готовность дать ответ — нежелание продолжать общение (отторжение). Диалог невозможен как обмен единицами языка (буквами, словами, предложениями) в системе языка, но возможен как ограничение самого высказывающегося относительно Другого. Сложные жанры насколько не теряют этого принципа ограничения, но требуют особых внутренних границ,

которые только частично обеспечиваются за счёт жанра. Граница задаётся завершённой целостностью высказывания, которая возможна при соблюдении трёх принципов — разной степени предметно-смысловой исчерпанности темы высказывания; постижения речевого замысла или речевой воли говорящего; и устойчивой жанровой формы высказывания. Человек становится человеком только на границе. Как отмечает С.С. Аванесов: «Мир даёт человеку сбываться в качестве человека» [1, с. 129]. Социальный контекст, непрекращающийся диалог не позволяет сознанию замыкаться в самом себе и сам мир оказывается возможным только в акте действительного участия как единственный и уникальный, по библейскому принципу: «Да будет!» за который человек отвечает всей своей жизнью [13, с. 73]. Граница — это межа, на которой свершается человек и осуществляется его жизнь, это точка сборки мира с его условием в виде нравственного сознания, это и есть тот горизонт практической онтологии о котором размышляет Бахтин. Вскрыть сущность границы — значит опередить «между» как диалогическую и полифоническую структуру различия до поступательного предела, который оборачивается единством и единственностью выбора.

Литература

1. Аванесов С.С. К вопросу «человеческой» онтологии: актуальность мысли М.М. Бахтина // Человек.RU. – 2017. – № 12. – С. 127–158. [Avanesov SS. To the problem of “human” ontology: actuality of bakhtin’s thought. *Chelovek.RU*. 2017;(12):127-158. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.32691/2410-0935>.
2. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – С. 384–391. [Bart R. Smert’ avtora. In: *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*. Moscow: Progress, Univer; 1994. P. 384-391. (In Russ.)]
3. Бахтин М.М. Из записей 1970–71 гг. // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с. [Bakhtin MM. *Iz zapisey 1970-71 gg*. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow: Iskusstvo; 1979. 423 p. (In Russ.)]
4. Бахтин М.М. К философии поступка. Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 20-х гг. – М.: Русские словари, 2003. – С. 7–68. [Bakhtin MM. *K filosofii postupka*. *Sobr. soch. Vol. 1. Filosofskaya estetika 20-h gg*. Moscow: Russkie slovari; 2003. P. 7-68. (In Russ.)]
5. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с. [Bakhtin MM. *Literaturno-kriticheskie stat’i*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura; 1986. 543 p. (In Russ.)]
6. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Собр. соч. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. – М.: Русские словари, 1996. – С. 159–206. [Bakhtin MM. *Problema rechevykh zhanrov*. *Sobr. soch. Vol. 5. Raboty 1940-1960 gg*. Moscow: Russkie slovari; 1996. P. 159-206. (In Russ.)]
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Собр. соч. Т. 6. – М.: Русские словари, 2002. – 505 с. [Bakhtin MM. *Problemy poetiki Dostoevskogo*. *Sobr. soch. Vol. 6*. Moscow: Russkie slovari; 2002. 505 p. (In Russ.)]
8. Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка: статьи. – М.: Лабиринт, 2000. – 640 с. [Bakhtin MM. *Freydizm. Formal’ny metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka: stat’i*. Moscow: Labirint; 2000. 640 p. (In Russ.)]
9. Бочаров А.Б. М.М. Бахтин: от филологии к философии, от металингвистики (метариторики) к философии языка // Русская и европейская философия: пути схождения. [Bocharov AB. M.M. Bahtin: ot filologii k filosofii, ot metalingvistiki (metaritoriki) k filosofii yazyka. In: *Russkaya i evropejskaya filosofiya: puti skhozheniya*. (In Russ.)] Доступно по: <http://anthropology.ru/ru/text/bocharov-ab/mm-bahtin-ot-filologii-k-filosofii-ot-metalingvistiki-metaritoriki-k-filosofii>. Ссылка активна на 04.04.2020.
10. Бурлина Е.Я. Жанр в контексте культуры и научной рефлексии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2014. – № 1–2. – С. 9–21. [Burlina EYa. Genre in the context of culture and scientific reflection. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 2014;(1-2):9-21. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.12217-2.17>.
11. Гуревич П.С. Расколотость человеческого бытия. – М.: ИФ РАН, 2009. – 199 с. [Gurevich PS. *Raskolotost’ chelovecheskogo bytiya*. Moscow: IF RAN; 2009. 199 p. (In Russ.)]
12. Каганский В.Г. Ситуация границы и логико-семиотические типы границ // Международный журнал исследований культуры. – 2015. – № 4. – С. 5–27. [Kaganskiy VG. The situation of the border and logico-semiotic boundary types. *International culture research magazine*. 2015;(4):5-27. (In Russ.)]
13. Конев В.А. Монологи в диалоге о едином и различии // Смыслы культуры: сб. ст. – Самара: Из-во «Самарский университет», 2016. – С. 67–94. [Konev VA. *Monologi v dialoge o edinom i razlichii*. In: *Smysly kul’tury: sb. st*. Samara: Iz-vo “Samarskiy universitet”; 2016. P. 67-94. (In Russ.)]

14. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сэд, ОЗТ «Талисман», 1994. – 407 с. [Fuko M. Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnyh nauk. Transl. V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. Saint Petersburg: A-cad; OZT "Talisman"; 1994. 407 p. (In Russ.)]
15. Хоружий С.С. Человек: сущее, трояко размыкающее себя // Очерки синергийной антропологии. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 408 с. [Khoruzhiy S.S. Chelovek: sushchee, troyako razmykayushchee sebya. In: Ocherki sinergiynoy antropologii. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy; 2005. 408 p. (In Russ.)]

▪ Информация об авторе

Наталья Владимировна Барабوشина — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава России, Самара. E-mail: baraboshina@mail.ru.

▪ Information about the author

Natalia V. Baraboshina — Candidate of Philosophy, Assistant Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University, Samara, Russia. E-mail: baraboshina@mail.ru.